

Новороссийск» - часть его биографии

В ночь с 28 на 29 октября 1955 года, ровно 50 лет тому назад, произошла страшная трагедия в северной бухте Севастополя. Тогда прогремел мощный взрыв на линкоре «Новороссийск», приведший к его гибели и гибели людей. На том линкоре проходил службу наш шумерлинец Николай Иванович Воронков, бывший старший матрос – корабельный электрик БЧ-5.

Мне давно хотелось познакомиться с героем-шумерлинцем, рассказать о нем горожанам на страницах газеты. Первое знакомство с Николаем Ивановичем состоялось в спортивном зале стадиона «Труд», было это 26 февраля. В этот день проводился в городе, и тоже впервые, турнир по тяжелой атлетике на призы первого шумерлинского чемпиона республики в весовой категории до 75 кг, кавалера ордена Мужества Н.И. Воронкова. Тогда мое желание встретиться с ним еще больше укрепилось.

Родился Н.И. Воронков в с.Барятино Горьковской области в семье крестьянина. В 1940 году пошел в первый класс. Родители уже тогда уехали из деревни и обустроились в Шумерле, Коля тоже учился в городской первой школе. А каникулы все же проводил у бабушки в Барятино. «Здание школы было двухэтажное, деревянное (сейчас на этом месте стоит тоже деревянное аварийное здание РДК), - вспоминает Николай Иванович. – В школу почему-то я боялся идти, пошел только на второй день. Тяжелая тогда была жизнь. Да и учеба давалась нелегко. Учились мы при свечках и керосиновой лампе. Писали на газетах, картонках, тетрадей не было. Но учились. Эта школа потом сгорела, и нас, 45 учеников, перераспределили по другим школам. Я продолжил учебу в третьей школе, наверное, потому, что жили мы поблизости к ней. А уже заканчивал опять же первую школу, но ту, в которой в годы Великой Отечественной войны размещался госпиталь, конечно же, после его расформирования».

В семье Воронковых, помимо Николая, росли еще два сына. Отец – Иван Иванович – ушел на фронт, как все взрослые мужчины, а в 1943 году на него принесли похоронку. Он погиб под Харьковом. Мама – Татьяна Андреевна – в 26 лет стала вдовой с тремя детьми на руках, старшему Николаю было 10 лет, двум другим мальчикам - 7 лет и 4 года. Расслабляться нельзя, надо было растить сыновей, поднимать их на ноги. Все увидели эти дети войны, прочувствовали на себе и разруху, и голод. Нам, ныне живущим, знающим о войне только по рассказам, книгам и кино, трудно даже представить как они жили в тех тяжелейших условиях. А они мужественно и стойко выжили. Наперекор врагам они выстояли.

Да и старший из братьев видел как тяжело маме одной, все понимал и очень хотел ей помочь, хотя бы чуть-чуть сделать ей облегчение. А как? Тогда Николай решил для себя получить специальность и работать самостоятельно, приносить в дом деньги. Только так можно реально помочь маме и братьям, они тоже подрастали.

Поступил Николай в ремесленное училище № 1 (ныне это ПУ-6) и выучился на столяра-краснодеревщика высшего, пятого разряда. На работу устроился в «Труженик» (так раньше называлось сегодняшнее ОАО «ШЗСА»). Началась для парня взрослая самостоятельная жизнь. Первые два года своей длинной трудовой деятельности Н.И. Воронков посвятил заводу спецавтомобилей. А в 1951 году он ушел в армию, даже не предполагая, что его ждет, через какие испытания придется пройти. И что служить придется в морфлоте, даже не мечтал. Но бескозырка и тельняшка всегда привлекали взгляд молодых людей, готовящихся к службе в армии. Да и девушки на моряков смотрели влюбленными глазами.

Волею случая выпало так, что Николай Воронков, до последнего не знавший куда же их везут, вместе со своим другом, тоже Николаем, попали на Черное море. «Мы с Николаем Лукьяновым дружили с детского сада, всегда были вместе, - уточнил Николай Иванович. – И призывались в одно время. Только вот распределили нас после учебки, где мы учились на электриков, опять же в одной смене, на разные суда: Я – на линкор «Новороссийск», друг – на крейсер «Керчь». Вот так мы расстались с ним, и разошлись наши армейские пути-дорожки».

Какую радость испытали они, молодые ребята, когда увидели море, побежали к пирсу и стали брызгаться морской водой, умываться ею. А уж корабль – махина, сразу же поразил своими размерами; чистотой, какой-то даже желтизной, бросились в глаза и запомнились им тогда полы на палубе. Одного экипажа только 1,5 тыс. человек. «Помнится как мы тряслись от строгого взгляда командира, и коленки у нас дрожали, когда нас, новичков, выстроили, - улыбнувшись,

продолжил свои воспоминания Николай Иванович, - а потом скомандовали спортсменам, всем, кто на гражданке дружил и много занимался физкультурой и спортом, выйти на 2 шага вперед». Тогда из новичков двоих, в т.ч. Н.И. Воронкова, определили в боевую часть-5 (БЧ-5), в так называемое сердце корабля, туда, где все им движет. Так началась новая, флотская жизнь в биографии нашего шумерлинца. И как он отметил, служба протекала нормально, все шло своим чередом, не было никакой дедовщины. Наоборот, «старички» уважительно, как-то по-отечески относились к молодому пополнению, разъясняли что и как, помогали освоиться на корабле, на котором все, в том числе инструкции, указатели, таблички на приборах были написаны на английском языке. Конечно же, трудно было сразу разобраться в том, что и как включать и управлять. «Старички» не то что шутили над новобранцами, а оберегали их. Нельзя, конечно, сказать, что уж совсем на корабле не юморили, были и розыгрыши, но безобидные, без каких-либо серьезных последствий. Бывало тоже, когда за кипятком молодых посылали. Но на это не обижались, как впрочем, не обижались и на салагу. Красавец был линкор «Новороссийск» (ранее носивший название «Юлий Цезарь»), не было и нет сегодня таких судов, считает Н.И. Воронков.

Служили тогда 5 лет, ходили в походы, выходили в море на стрельбы. Служба Николаю Воронкову нравилась высокой дисциплинированностью личного состава, тем, что каждый четко знал что делать, как выполнить ту или иную команду, какую занять позицию при объявлении тревоги. Так прошло 4,5 года службы. Наш земляк готовился к гражданке, покупал обновы, т.к. впереди был дембель. За три недели до того счастливого дня – 13 ноября, именно в этот день он должен был быть дома, на вахту уже не посылали. Жил он тогда в предвкушении встречи с родными и близкими, с Шумерлей и шумерлинцами-друзьями. Да и день 28 октября был тоже обычным, ничем особенным не отличающимся от предыдущих. Никто не мог даже предположить, что линкор «Новороссийск» выходил в море в ту роковую пятницу – 28 октября 1955 года – в последний раз... С утра корабль вышел в море и направился на стрельбы, а по возвращении в бухту встал на бочки. Объявили сход на берег в увольнение и стирку, по пятницам всегда проводились постирочные дни. Все драили щетками свои робы и форменки, стирали постельное белье, брезентовые гамаки. Все, как обычно. Николай Воронков не пошел в увольнение, постирал свое белье и отдыхал. Запомнился ему тот вечер, он был тихий, теплый, а закат – багрово-красный, малиновый, от чего на душе было тревожно и как-то не по себе. Вот если бы знать...

После сигнала отбоя вместе с друзьями Николай, без малого дембель, отправился спать на прожекторный мостик на грот-мачте, а не в свой кубрик, как прежде. Почему? На линкор пришли новички, некоторые из них были размещены в том кубрике. Получается, что «старички» уступили им свои места.

Как вспоминает Н.И. Воронков, а воспоминания не из легких и приятных, даже спустя 50 лет даются ему с трудом, проснулся он от тряски, такое было ощущение, что лопнул трос стрелы, когда поднимали на борт баркас. И выбежав вместе с другими на мостик, не сразу все понял, учения ли, боевая ли тревога или что еще? Потом только выяснилось, что прозвучал взрыв на корабле в районе, где находились жилые отсеки, в том числе и кубрик, где он жил все годы службы. И хотя, как подчеркивает Николай Иванович, не было растерянности, у него точно не было, и испугаться они не успели, т.к. не поняли до конца, что же все-таки произошло, но команды отдавались, и их надо было выполнять. И они их выполняли, как было положено военным людям, занимали каждый свой пост. Команды, по мнению Николая Ивановича, звучали в ту ночь противоречивые одна исключая другую, и не они ли помогли быстрой гибели линкора и людей. Ведь моряки, умеющие плавать, могли и вплавь добраться до суши, крушение линкора произошло в 200-300 метрах от берега. Они могли спастись, поступив своевременно нужная команда. И сегодня ветеран, на чьих глазах разыгралась одна из ужасных морских трагедий, не может смириться с гибелью людей. Уверен он и в том, что официальная цифра погибших сильно занижена. Обидно и то, что ни в одной программе на ТВ не было упоминания о приближающемся 50-летию со дня гибели линкора «Новороссийск». Не достучался Н.И. Воронков и до высших эшелонов власти, а писал он и в Министерство обороны, звонил по прямой линии Президенту России, чтобы организовали встречу оставшихся после тех трагических событий в живых. Но, увы. Обидно за своих друзей, сослуживцев, за тех, кто навсегда остался в ту роковую ночь лежать на морском дне. Разве об этом можно забывать?!

Как же пришло спасение? Когда наш линкор опрокинулся, я, очевидно, потерял на время сознание. Очнулся, вокруг темно. Лежу в воде лицом вниз. Над головой продолжали работать дизеля. Подумалось, все - выхода нет, это конец. И в один миг вся моя жизнь промелькнула в

голове, перед глазами прошла в считанные минуты. Раньше я читал об этом, думал, что только в книгах может быть такое, теперь же сам все это пережил.

Вместе с ним оказались еще 6 человек, на голос они приблизились. Что же делать? – вертелось в голове. Стали искать пути к своему освобождению. Вспомнили все, чему их учили на занятиях, в том числе устройство корабля. Сориентировались, на ощупь нашли инструмент и стали пробираться к водоотливной трубе, она должна была находиться где-то поблизости. Дышать становилось труднее, не хватало кислорода, к тому же хотелось спать. Со всех сторон слышался стук, доносилась песня про крейсер «Варяг». А может, она и придала еще больше силы и веры в спасение. Когда же услышали сверху сильный удар, повторившийся еще и еще, все приободрились, значит, о них знают, идут к ним, чтобы высвободить. И их спасли. На берегу толпились люди, кто-то плакал от радости, кто-то от горя. Казалось, весь Севастополь вышел встречать их, рожденных во второй раз. Люди продолжали всматриваться в море в надежде еще кого-нибудь увидеть. До последнего моряки счастливой семерки не верили в свое спасение, трудно было даже подумать о том, что могли погибнуть. «Мне помогли мои занятия спортом, - говорит Николай Иванович. – До армии я гонял в футбол, поднимал штангу, занимался акробатикой. И на корабле продолжил занятия. Мы часто выступали с акробатическими номерами. Я был, считаю, физически подготовленным к испытаниям».

Н.И. Воронков не струсил, не спасовал перед трудностями. Наоборот, собрав всю свою волю в кулак, скомандовал себе: «Мне – 24 года, как это умереть в таком возрасте, когда еще и жизни не видел. Надо жить».

Он и сегодня не замкнулся в себе, охотно встречается с школьниками. С удовольствием вместе со своей женой – Валентиной Александровной – трудится на садовом участке, выращивает овощи. Радуются они своим внукам: внучка - Наташа - вышла замуж, живет своей семьей; внук - Женя - учится в 11 классе в первой школе, в которой когда-то учился дед, затем отец, сын Николая Ивановича – Сергей. Сергей вместе с женой работают в «Энергосбыте». «У нас уже и правнучка – Катюша - растет», - улыбаясь от счастья, сообщил дедушка Н.И. Воронков.

Т.Орешникова.